

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 82-1

Творчество Б. Пастернака в контексте связей с Р.М. Рильке

Ия Васильевна Пахомова

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
г. Рязань, Российская Федерация, i.pahomova@rsu-rzn.ru

Аннотация. В статье представлена история жизненных и творческих контактов Б. Пастернака с австрийским поэтом Р.М. Рильке. Сближение этих имён в контексте жизненных и творческих связей представляется актуальным, оба поэта были соединены единым культурным полем конца XIX-начала XX вв. Поэтические концепции Р.М. Рильке и Б. Пастернака близки друг другу. Глубоко пережив и осмыслив творчество австрийского поэта, Пастернак до конца жизни сохранял с ним преемственную связь.

Ключевые слова: поэзия Р.М. Рильке, лирика Б. Пастернака, Россия, творческое самоопределение, духовная независимость

Для цитирования: Пахомова И.В. Творчество Б. Пастернака в контексте связей с Р.М. Рильке // Русская филология и национальная культура. 2026. №1(18). С. 1-10. Доступно по ссылке: <https://filolog-rgu.ru/wp-content/uploads/st02-2026.pdf>

Original article
УДК 82-1

The work of B. Pasternak in the context of connections with R.M. Rilke

I.V. Pakhomova

Ryazan State University named after S.A. Yesenina
Ryazan, Russian Federation, i.pahomova@rsu-rzn

Abstract. This article presents the history of Boris Pasternak's life and creative contacts with the Austrian poet Roman M. Rilke. The connection between these names in the context of their life and creative connections seems relevant, as both poets were connected by a common cultural field of the late 19th and early 20th centuries. The poetic concepts of Rilke and Boris Pasternak are closely related. Having deeply

experienced and understood the work of the Austrian poet, Pasternak maintained a close relationship with him until the end of his life.

Key words: poetry of R.M. Rilke, lyrics of B. Pasternak, Russia, creative self-determination, spiritual independence

Введение

Творческое наследие русского поэта Б. Пастернака и австрийского Райнера Марии Рильке по праву считается одним из самых значительных в истории литературы рубежа XIX-XX веков. Сближение этих великих имён в контексте жизненных и творческих связей представляется актуальным, так как оба поэта были соединены единым культурным полем. Каждый из них в своём творчестве по-своему являл «дух поэзии».

Цель данной работы – представить в последовательности жизненные и творческие контакты великих потоков, а также определить их сходство в понимании роли поэта и назначении творчества. И Р.М. Рильке, и Б. Пастернак видели задачу творца в глубоком проникновении в материальный и духовный мир, окружающий человека, во вживании в него, в приобщении к природе во всех ее проявлениях, в осмыслении тайн человеческого существования, в причастности к жизни.

Основная часть

Рильке совершил два путешествия в Россию. Первая поездка состоялась в 1899 г., вторая в 1900 г. Среди многих дружественных встреч со знаменитыми представителями русской культуры (писатель Л. Толстой, художники И. Репин, Л. Пастернак, скульптор А. Голубкина и др.) и малоизвестными в настоящее время было и случайное знакомство с будущим поэтом Б. Пастернаком. В «Охранной грамоте», посвящённой Р.М. Рильке, русский поэт так об этом вспоминает: «Жарким летним утром 1900 года с Курского вокзала отходит курьерский поезд. Перед самой оправкой к окну снаружи подходит кто-то в чёрной тирольской разлеталке. С ним высокая женщина. Она, вероятно, приходится ему матерью или старшей сестрой. Втроём с отцом они говорят о чём-то одном, во что все вместе посвящены с одинаковой теплотой, но женщина перекидывается с мамой отрывочными словами по-русски, незнакомец же говорит только по-немецки. Хотя я знаю этот язык в совершенстве, но таким его никогда не слышал. Поэтому тут, на людном перроне, между двух звонков, этот иностранец кажется мне силуэтом среди тел, вымыслом в гуще невымышленности [6, с. 59]. Спутницей Р.М. Рильке была Лу Андреас-Саломе, немецкая писательница, детство и юность которой прошли в России. Для Рильке Лу была возлюбленной, другом, наставницей и позднее, после мучительного для поэта расставания, останется по-прежнему в делах поэзии, спутницей его духовного роста.

Встреча с Россией, которая стала для Рильке эстетическим открытием, позволило австрийскому поэту иначе взглянуть на действительность. Тесные дружеские связи и художественные контакты, завязанные в России, изучение русского языка, русской литературы и искусства в целом способствовали возникно-

вению нового миропонимания, творческой эволюции. В статье «Русское искусство», написанной в промежутке между двумя поездками в Россию, Рильке говорит, что если тот или иной народ может быть охарактеризован как народ-солдат, народ-купец, народ-учёный, то русский народ – это прежде всего народ-художник. Рильке неоднократно впоследствии называл Россию своей духовной родиной, «основой ... жизнепереживания и жизнесприятия» [Цит. по: 9, с. 64]. Образ России в творческом сознании поэта был в значительной степени мифологизирован, что неоднократно отмечалось исследователями. Однако соприкосновение с Россией стало для Рильке целительным. Значение русского опыта состояло в определении точки зрения на природу художественного творчества. «Русская культура бесконечно далека от эстетской игры, она бытийно серьёзна, она воспринимает себя как служение, служение высшему нравственному закону» [2, с. 10], и австрийский поэт глубоко воспринял её мощный нравственный пафос. Здесь исток главных тем его зрелого творчества, его отношения к миру и людям.

Для Б. Пастернака случайная встреча с австрийским поэтом на полустанке совпадает с началом жизненных и творческих выборов. Открыв для себя поэзию Рильке, Пастернак ощутит глубокую силу его таланта: «сборник «*Mir zur Feier*» очутился у меня в руках в труднейшую мою пору... Прошло много времени, и я успел полюбить книгу, как вскоре и другую, присоединившуюся к ней и надписанную отцу той же рукою, но еще больше времени прошло, пока я однажды понял, что их автор, Райнер Мария Рильке, должен быть тем самым немцем, которого давно как-то летом, мы оставили в пути на вертящемся отрыве забытого лесного полустанка» [6, с. 71-72]. В 1913 году творчество Рильке напомнит о себе встречей с бельгийским поэтом Э. Верхарном: «В 1913 году в Москве был Верхарн. Отец рисовал его. Иногда он обращался ко мне с просьбой занять портретируемого... я говорил ему о нём самом и потом робко спросил его. слышал ли он когда-нибудь о Рильке. Я не предполагал, что Верхарн его знает. Позировавший преобразился... Одно это имя оживило модель больше всех моих разговоров. «Это лучший поэт Европы, – сказал Верхарн, – и мой любимый названный брат» [5, с.242-243]. Фатальная встреча с Рильке предопределяет путь русского поэта. В его университетских тетрадях между записями лекций присутствуют первые попытки переводов из Рильке. Спустя много лет Пастернак делает важное признание: «Я всегда думал, что в своих собственных попытках, во всем своем творчестве я только и делал, что переводил или варьировал его <т. е. Рильке> мотивы, ничего не добавляя к его собственному миру и плавая всегда в его водах» [7]. В 1926 году в письме к Рильке Пастернак напишет: «Я обязан Вам основными чертами моего характера, всем складом духовной жизни. Они созданы Вами» [3, с. 62]. Литературовед К. Азадовский так прокомментировал это высказывание: «Всю жизнь Пастернак стремился к передаче *сути*, к овладению содержанием в такой мере, чтобы форма рождалась естественно, как у живого существа. Труд художника мыслился им как аскетическое ученичество и подчинён был основной задаче – явить в слове «образ мира», пронизанный счастьем существования и родства со всем. Этому Пастернак учился у Рильке» [3, с. 3].

В 1926 году судьбы великих поэтов вновь пересекутся. Б. Пастернак, находящийся в Москве, в один день получил «Поэму конца» М. Цветаевой и письмо из Мюнхена от отца, художника Л. Пастернака. Л. Пастернак сообщил сыну, что Р.М. Рильке, с которым он был знаком в давние годы, с удовольствием прочёл стихи Пастернака-младшего и искренне обрадован его ранней славой. Б. Пастернак, взволнованный воодушевляющими корреспонденциями, через восемнадцать дней решает сам написать Рильке. За это время он придумывает необычный ход, не слишком понравившийся отцу поэта. Прямой почтовой связи между Швейцарией и СССР не было, и во всех случаях письмо к Рильке должно было идти через посредника. В посредницы Б. Пастернак выбрал М. Цветаеву. Сообщив Рильке через отца её парижский адрес, он представил её как своего друга и поэтессу.

Р.М. Рильке всегда был чуток ко всему, связанному с Россией. Все встречи с русским искусством вызывали у него желание продлить творческое общение. Он продолжает искать новых знакомств в среде русских писателей и художников, живущих за границей. Среди них: М. Горький, И. Бунин, С. Эрзя, А. Сахаров, Ю. Сазонова-Слонимская, Ж. Питоев, А. Волков-Муромцев. В письмах и разговорах австрийского поэта с друзьями постоянно возникает тема России. Он посещает русские выставки, спектакли, гастроли русских театральных трупп. В 20 сонете «Сонетов к Орфею» поэт вспоминает о России:

Die aber, Herz, o was weih ich dir, sag,
Der das Ohr den Geschopfen gelehrt?
Mein Erinnern an einen Fruhlingstag,
Seinen Abend, in Rusland, ein Pferd...
(Чем же воздам я, поведай мне,
слух воспитавшему твари земной? -
Воспоминаньем о том коне!..
Ночью, в России, весной...) (перевод А. Пурина)

Рильке ответил на письмо Пастернака, вложив его в конверт на имя М. Цветаевой, ей надлежало переправить его дальше в Россию. Самой М. Цветаевой было также адресовано письмо и присланы две книги Рильке «Сонеты к Орфею» и «Дуинские элегии». Так началась эта тройная переписка. участники которой были близки друг другу практическим отсутствием языковых барьеров (все трое свободно владели основными европейскими языками), что исключало возможное непонимание даже малейших оттенков обращённой друг к другу письменной речи.

Эпистолярный «роман» трёх великих поэтов при внешней бессобытийности чрезвычайно насыщен внутренне. Как справедливо замечает Т.А. Субботина-Мегирянц, «переписка трёх поэтов – явление скорее общекультурного, чем просто биографического ряда. Каждый из них не только в стихах и поэмах тех лет, но и в письмах по-своему являл «дух поэзии». Несмотря на принадлежность Рильке немецкой культуре, а Пастернака и Цветаевой – русской, главным в их общении стал диалог лирических сознаний послекризисной эпохи. Важность

тем, затрагиваемых в переписке, общезначима, имеет отношение не только к творчеству её участников» [8, с. 35]. Проблемы, обсуждаемые в переписке, являются общими, поскольку «в середине 20-х годов уходящего столетия в сознании художников оформлялось представление об искусстве, которое, вопреки политической идеологии и прочим расхождениям, объединяло художников <...>. Австрийский поэт Рильке. русский поэт в эмиграции М. Цветаева и русский поэт советской эпохи Б. Пастернак оказались соединены культурным единым полем» [8, с. 32-33]. Между поэтами сразу устанавливается чувство духовной близости, что обуславливает характер и стиль их переписки.

Пастернак мечтал также встретиться с Рильке, но этой встрече не суждено было состояться. Известие о смерти Рильке в 1926 году застало Пастернака в разгаре работы над поэмой «Лейтенант Шмидт» и стало глубоким потрясением. Через год он так охарактеризовал свои занятия и планы: «Я обещал себе по окончании «Лейтенанта Шмидта» свидание с немецким поэтом, и это подстегивало и все время поддерживало меня. Однако мечте не суждено было сбыться – он скончался в декабре того же года, когда мне оставалось написать последнюю часть поэмы, и весьма вероятно, что на настроении ее последних страниц отразилась именно эта кончина. Тогда ближайшей моей заботой стало – рассказать об этом удивительном лирике и об особом мире, который, как у всякого настоящего поэта, составляют его произведения. Между тем под руками, в последовательности исполнения, задуманная статья превратилась у меня в автобиографические отрывки о том, как складывались мои представления об искусстве и в чем они коренятся. Этой работе, которую я посвящаю его памяти, я не придумал еще заглавия. Я её еще не кончил» [10]. В 1929 году первая часть этой повести, получившей название «Охранная грамота», появилась в № 8 журнала «Звезда». Вторая и третья части были опубликованы в 1931 году в № 3-4 журнала «Красная новь». Отдельным изданием повесть вышла в 1931 году.

Б. Пастернак связывал завершение значимой части собственного пути со смертью Р.М. Рильке. Одновременно с работой над «Охранной грамотой» Пастернак перевел на русский язык два Реквиема Рильке: «По одной подруге» (Пауле Модерзон) и графу Вольфу фон Калькрейту. В автографе «Охранной грамоты» сохранилось незаконченное послесловие к ней, построенное как посмертное письмо к Рильке – тем самым, которое Пастернак не успел написать ему при его жизни: «Если бы Вы были живы, я бы написал Вам сегодня такое письмо. Сейчас я кончил «Охранную Грамоту», посвященную Вашей памяти, а вчера вечером меня просили из Вокса зайти по делу, лично касающемуся Вас. Из Германии для посмертного собрания Ваших писем затребовали записку, в которой Вы обняли и благословили меня. Я на нее тогда не ответил. Я верил в близкую с Вами встречу. Но вместо меня за границу поехали жена и сын. Оставить такой дар, как Ваши строки, без ответа, было нелегко. Но я боялся, как бы, удовольствовавшись перепиской с Вами, я не поселился навеки на полдороге к Вам. А мне надо было Вас видеть. И до этого я зарекся письменно обращаться к Вам. Когда же я ставил себя на Ваше место (потому что моя безответность могла удивить Вас), я успокаивался, вспоминая, что в переписке с Вами Цветаева, потому

что хотя я не могу заменить Цветаевой, Цветаева заменяет меня» [4, с. 479-480]. «Охранная грамота» посвящена и мысленно обращена к Рильке, это своего рода диалог живого с умершим.

Период конца 1920-х – начала 1930-х годов для Б. Пастернака – непростое время, своего рода глубинный тупик. Неслучайно мотив итога отчётливо звучит в повести. Поэта особенно остро волновали вопросы творческого самоопределения, соотношения художника и окружающей действительности, место творца в истории. Как справедливо отмечает литературовед А. Архангельский¹, «Охранная грамота» – книга, написанная как бы после, а точнее вместо смерти. Это книга, в которой автор разрывает не только со своим поэтическим окружением, литературными привычками, достижениями молодости, – он идёт на разрыв с тем, что формируется годами, десятилетиями – с романтическим образом поэта, со «зрелищным пониманием биографии» [1, с. 27]. Характерно, что через год выйдет поэтическая книга Б. Пастернака, названная «Второе рождение», которая знаменует переходный этап в литературной позиции Пастернака. Если в начальный период своего творчества он стремится быть как будто в стороне от слепых социальных сил, образ его лирического героя – это образ скорее наблюдателя, созерцателя, то во «Втором рождении» Пастернак меняет вектор своего творческого проявления. Выбирая путь активного действия, он опробывает на себе «амплуа писателя действующего, смеющего «истину царям с улыбкой говорить», но ничем не поступающего ради этого» [1, с. 28].

«Охранная грамота» – автобиографическая повесть, но поэт утверждает: «Я не пишу своей биографии. Я к ней обращаюсь, когда того требует чужая. Вместе с её главным лицом я считаю, что настоящего жизнеописания заслуживает только герой, но история поэта в этом виде вовсе непредставима» [6, с. 72]. Пастернак уверен, что биография поэта не сводима к «биографической вертикали», она состоит из «несущественностей», её надо искать в «биографическом столбце его последователей». В этом контексте становится понятным посвящение автобиографической повести Р.М. Рильке: «Область подсознательного у гения не поддается обмеру. Ее составляет все, что творится с его читателями и чего он не знает. Я не дарю своих воспоминаний памяти Рильке. Наоборот, я сам получил их от него в подарок» [6, с. 72].

Весною 1956 года Пастернаком был написан автобиографический очерк «Люди и положения» как предисловие к однотомнику стихов, готовившемуся в Гослитиздате. Позднее автор заново отредактировал очерк, дал ему нынешнее название и полностью переписал заключение. Содержательно очерк примыкает к «Охранной грамоте». Характерно, что в нем Пастернак сетовал на то, что «У нас Рильке совсем не знают. Немногочисленные попытки передать его по-русски неудачны. Переводчики не виноваты. Они привыкли воспроизводить смысл, а не тон сказанного, а тут всё дело в тоне» [5, с. 242] и включил в очерк собственный

¹ Архангельский Александр Николаевич выполняет функции иностранного агента и в соответствии с распоряжением Минюста России включен в реестр иностранных агентов.

перевод стихотворений Р.М. Рильке «За книгой» и «Созерцание». Оба стихотворения входили в «Книгу образов» Р.М. Рильке.

В первом из них предельно сгущена тема искусства. Поэт описывает погружение в чтение, во время которого он забывает о времени и дожде за окном. Он вглядывается в строки, как в «морщины задумчивости», пока не замечает, что его собственные пальцы кажутся ему чужими, часы, проведенные за чтением, ощущаются как остановка или движение времени назад:

Стояло время или шло назад [5, с. 243].

Основная идея стихотворения выражает поэтическую концепцию Рильке: поэт и читатель – сотворцы; мир, воспринятый через призму искусства, равен жизни, воплощённой в художественном опыте. Искусство воспринимается как продолжение, «ответвление» жизни.

В стихотворении «Созерцание» звучит тема разрыва и поражения как залога единства пути художника и его конечной победы. Оно начинается с описания непогоды, а затем переходит в размышления автора о том,

Как мелки с жизнью наши споры,
Как крупно то, что против нас. [5, с. 244]

Поэт призывает смотреть на мир не через призму собственных чувств, а «впитывать» его. Созерцание у Рильке – это способ существования, превращающий художника в проводник между видимым миром и его невидимой сутью.

Центральной метафорой стихотворения является образ «соперника», борющегося с Ангелом Божьим и проигрывающим этот бой. Исследователи (Б.М. Гаспаров, А.Н. Архангельский²) расшифровывают эту метафору как борьбу во мраке хромом библейского Иакова с Ангелом Божьим. Характерно, что хромота была и у Пастернака (в 1903 году неудачно упал с лошади, сломал ногу, нога неправильно срослась). В «Охранной грамоте» Б. Пастернак подчёркивает, что именно с «падения» начался его путь в творчество. Образ проигравшего проецируется Пастернаком на себя и в целом на образ поэта, волею судьбы стоящего на перекрёстке исторических потрясений. На долю пастернаковского поколения выпали две мировые войны, одна гражданская, три революции. Эти испытания предопределили своеобразие его глубинного творческого мышления. Из этого опыта нельзя было выйти победителем. Победой для пастернаковского поколения было сохранение самой жизни и сохранение своего индивидуального, неповторимого человеческого начала, личным подвигом – духовная независимость, твёрдость в проявлении оставаться самим собой. И в «Созерцании» поэт

---

² Архангельский Александр Николаевич выполняет функции иностранного агента и в соответствии с распоряжением Минюста России включен в реестр иностранных агентов.

высказывает, казалось бы, парадоксальную мысль: поражение может быть значимее победы:

Так ангел Ветхого завета
Нашёл соперника под стать...
Кого тот ангел победил,
Тот правым, не гордясь собою,
Выходит из такого боя
В сознании и расцвете сил... [5, с. 245]

Это утверждение Рильке Пастернаку очень близко. Для Рильке важнейшая задача поэта - глубокое проникновение в материальный и духовный мир, окружающий человека, во вживании в него, в приобщении к природе во всех ее проявлениях, в осмыслении тайн человеческого существования, в причастности к жизни. И творчество в таком контексте становится вхождением в Бога:

Не станет он искать побед.
Он ждёт. чтоб высшее начало
Его всё чаще побеждало,
Чтобы расти ему в ответ. [5, с.245]

Для Рильке Бог – не застывшая категория, а становящееся бытие, которое определяется достижениями отдельных человеческих существ, это «не трансцендентная реальность по ту сторону пространства и времени, а внутренняя свыше внутримирность множественности вещей, бытие как таковое, являющее себя в тысячах разнообразных пространственно-временных образов» [9, с. 98], включающее в себя всевозможные проявления морального и духовного бытия.

Для Пастернака очевидно, что в неравном бою с судьбой возможно одержать несколько поражений, но только на этом пути поэт достигает высот. Он чаще всего одинок в своём самостоянии, такова доля истинного художника, но из этого трагического и очень человеческого опыта вырастают образы его поэзии. Поэт должен быть сопричастен своему времени, един с человечеством.

Заключение

Представленный фактографический материал свидетельствует о том, что Р.М. Рильке был для Б. Пастернака учителем и духовным ориентиром в творчестве. Неслучайно Пастернак переводил стихи австрийского поэта, ощущал с ним внутреннее родство. Очевидно, что поэтические концепции Р.М. Рильке и Б. Пастернака близки друг другу. Для обоих поэтов характерны философская глубина творчества, обозначение общих тем: отношения к Богу, постижению внутренних законов человеческой души, любви к природному миру, чувство сопричастности жизни во всех её проявлениях. Глубоко пережив и осмыслив творчество австрийского поэта, Пастернак до конца жизни сохранял с ним преемственную связь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Архангельский А.³ Вакансия поэта. Очерк о Б.Л. Пастернаке // Пастернак Б.Л. [Избранное]. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 7-46. (Архангельский Александр Николаевич выполняет функции иностранного агента и в соответствии с распоряжением Минюста России включен в реестр иностранных агентов).
2. Карельский А. О лирике Рильке // Rilke R.M. Gedichte. Moskau, 1981. С. 5-38
3. Райнер Мария Рильке. Борис Пастернак. Марина Цветаева. Письма 1926 года. М., 1990. 256 с.
4. Пастернак Б.Л. Воздушные пути: Проза разных лет. М.: Сов. писатель, 1983. 496 с.
5. Пастернак Б. Люди и положения. Автобиографический очерк // Пастернак Б.Л. [Избранное]. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 219-287.
6. Пастернак Б. Охранная грамота // Пастернак Б.Л. [Избранное]. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 59-181.
7. Письмо Б. Л. Пастернака к французскому слависту М. Окутюрье от 4 февраля 1959 г. // Cahiers du monde russe et soviétique, 1974. Vol. 15 (1-2). P. 232. (письмо написано по-французски).
8. Субботина-Мегириянц Т.А. Диалог лирических сознаний в общекультурном европейском пространстве (Р.М. Рильке – Б. Пастернак – М. Цветаева // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. Воронеж. 2000, Т.2. С. 32-39
9. Хольтхузен Ганс Эгон. Райнер Мария Рильке, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни (перевод с немецкого). Челябинск, Урал LTD, 1998. 402 с.
10. Читатель и писатель : еженедельник литературы и искусства.. 1928. 11 февр. № 4/5. С. 4.

References

1. Arxangel'skij A. Vakansiya poe`ta. Ocherk o B.L. Pasternake // Pasternak B.L. [Izbrannoe]. M.: Mol. gvardiya, 1991. S. 7-46. (Arxangel'skij Aleksandr Nikolaevich vy`polnyaet funkicii inostrannogo agenta i v sootvetstvii s rasporyazheniem Minyusta Rossii vklyuchen v reestr inostranny`x agentov). (In Russ.)
2. Karel'skij A. O lirike Ril`ke // Rilke R.M. Gedichte. Moskau, 1981. S. 5-38. (In Russ.)
3. Rajner Mariya Ril`ke. Boris Pasternak. Marina Czvetava. Pis`ma 1926 goda. M., 1990. 256 s. (In Russ.)
4. Pasternak B.L. Vozdushny`e puti: Proza razny`x let. M.: Sov.pisatel`, 1983. 496 s. (In Russ.)
5. Pasternak B. Lyudi i polozheniya. Avtobiograficheskij ocherk // Pasternak B.L. [Izbrannoe]. M.: Mol. gvardiya, 1991. S. 219-287. (In Russ.)
6. Pasternak B. Oxrannaya gramota // Pasternak B.L. [Izbrannoe]. M.: Mol. gvardiya, 1991. S. 59-181. (In Russ.)

---

³ (Архангельский Александр Николаевич выполняет функции иностранного агента и в соответствии с распоряжением Минюста России включен в реестр иностранных агентов).

7. Pis`mo B. L. Pasternaka k francuzskomu slavistu M. Okutyur`e ot 4 fevralya 1959 g. II Cahiers du monde russe et soviétique, 1974. Vol. 15 (1–2). P. 232. (pis`mo napisano po-francuzski). (In Russ.)

8. Subbotina-Megir`yancz T.A. Dialog liricheskix soznaniy v obshhekul`turnom evropejskom prostranstve (R.M. Ril`ke – B. Pasternak – M. Czvetavaeva // Problema nacional`noj identichnosti v kul`ture i obrazovanii Rossii i Zapada. Voronezh. 2000, T.2. S.32-39. (In Russ.)

9. Xol`txuzen Gans E`gon. Rajner Mariya Ril`ke, sam svidetel`stvuyushhij o sebe i o svoej zhizni (perevod s nemeczkogo). Chelyabinsk, Ural LTD, 1998. 402 s. (In Russ.)

10. Chitatel` i pisatel` : ezhenedel`nik literatury` i iskusstva.. 1928. 11 fevr. № 4/5. S. 4. (In Russ.)

Информация об авторе

Пахомова Ия Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

e-mail: i.pahomova@rsu-rzn.ru

Information about the author

Pakhomova Iya Vasilyevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor in the Department of Literature and Journalism at S.A. Yesenin Ryazan State University

e-mail: i.pahomova@rsu-rzn.ru

Дата поступления статьи: 15.01.2026